

Глава I

С самого начала путешествие не предвещало ничего доброго. Поднятый с постели в холодное мартовское утро (на дворе был лютый мороз), я вышел из отеля, проехал Балтимору и явился на пристань как раз вовремя. В девять часов катер должен был перевезти меня через бухту и доставить на борт «Эльсиноры», и я, промерзший насквозь, сидел в таксомоторе и с возрастающим раздражением ждал. На наружном сиденье ежились от холода шофер и мой Вада при температуре на полградуса, пожалуй, еще пониже, чем внутри. А катер все не показывался.

Поссум, щенок фокстерьер, легкомысленно навязанный мне Голбрэтом, скулил и дрожал под моим теплым пальто и меховым плащом и ни за что не хотел уgomониться. Он, не умолкая, визжал и царапался, стараясь вырваться на свободу. Но стоило ему высунуть мордочку и почувствовать укусы мороза, как он снова и так же настойчиво принимался визжать и царапаться, заявляя о своем желании вернуться в тепло.

Этот непрекращающийся визг и беспокойная возня действовали отнюдь не расслабляюще на мои натянутые нервы. Начать с того, что этот зверек нимало не был мне интересен. Я его не знал и не питал к нему нежных чувств. Несколько раз, утомленный ожиданием, я был уже готов отдать

его шоферу. А один раз, когда мимо нас проходили две девочки (должно быть, дочки смотрителя пристани), я потянулся было к дверце мотора, чтобы позвать их и презентовать им это несносное, скулящее существо.

Этот прощальный подарок Голбрэта привезен был из Нью-Йорка экспрессом и явился в мой отель сюрпризом накануне ночью. Обычная манера Голбрэта. Что стоило ему поступить прилично, как все люди, и прислать мне фруктов или... даже цветов. Так нет же: дружеские чувства его любящего сердца непременно должны были выразиться в образе визжащего, твякующего двухмесячного щенка.

Черт бы побрал эту собаку! Черт бы побрал и Голбрэта! И, замерзая в моем моторе на этой проклятой пристани, открытой всем ветрам, я заодно проклинал и себя, и сумасбродную свою затею объехать на парусном судне вокруг мыса Горн.

Около десяти часов на пристань явился пешком неопишемого вида юноша с каким-то свертком в руках, который через несколько минут был передан мне смотрителем пристани. «Это для лоцмана», — сказал он и дал шоферу указания, как добраться до другой пристани, откуда через неопределенное время меня должны будут доставить на «Эльсинору» другим катером. Это только усилило мое раздражение. Почему же не уведомили меня об этом раньше?

Через час, когда я все еще сидел в автомобиле, но уже на другой пристани, явился наконец лоцман. Я не мог себе представить ничего менее похожего на лоцмана. Передо мной стоял никак уже не сын моря в синей куртке, с обветренным ли-

цом, а сладкоречивый джентльмен, чистейший тип преуспевающего дельца, каких можно встретить в каждом клубе. Он тотчас же представился мне, и я предложил ему место в моем промерзшем моторе рядом с Поссумом и багажом. Перемена в расписании произошла по распоряжению капитана Уэста — вот все, что было известно ему. Впрочем, он полагал, что пароходик придет за нами рано или поздно.

И он пришел в час дня, после того как я был принужден прождать на морозе четыре убийственных часа. За это время я окончательно решил, что возненавижу капитана Уэста. Правда, мы с ним ни разу еще не встречались, но его обращение со мной с самого начала было по меньшей мере развязно. Еще в то время, когда «Эльсинора», вскорее по прибытии из Калифорнии с грузом ячменя, стояла в бассейне Эри, я приезжал из Нью-Йорка нарочно, чтобы ознакомиться с судном, которому предстояло много месяцев быть моим домом. Я пришел в восторг и от судна, и от устройства кают. Вполне удовлетворяла меня и предназначенная для меня офицерская каюта, оказавшаяся даже просторнее, чем я ожидал. Но когда я заглянул в каюту капитана, то был поражен царившим в ней комфортом — достаточно упомянуть, что дверь из нее открывалась прямо в ванную и что в числе другой удобной мебели там стояла большая бронзовая кровать, присутствие которой никак нельзя было подозревать на судне дальнего плавания.

Естественно, я решил, что и эта ванная, и эта чудная кровать должны быть моими. Когда я попросил моих агентов уладить это дело по соглашению с капитаном, они, как мне показалось, сму-

тились и не выразили ни малейшей готовности исполнить мою просьбу.

— Я не имею понятия, во сколько это мне обойдется, но это не важно, — сказал я. — Полтораста долларов или пятьсот — все равно: я готов заплатить, если мне отдадут эту каюту.

Мои агенты Гаррисон и Грэй посоветовались между собою и затем высказались в том смысле, что едва ли капитан Уэст пойдет на эту сделку.

— В первый раз слышу о таком капитане морского судна, который может на это не согласиться, — заявил я с убеждением. — Капитаны всех атлантических линий постоянно продают свои каюты.

— Но капитан Уэст не из тех, которые служат на атлантических линиях, — мягко заметил мистер Гаррисон.

— Не забывайте, что мне придется много месяцев прожить на судне, — возразил я. — Ну предложите ему тысячу, если нужно.

— Попытаемся, — сказал мистер Грэй. — Но предупреждаем: не слишком полагайтесь на результат наших попыток. Капитан Уэст в данный момент в Сирспорте, и мы сегодня же напишем ему.

Спустя несколько дней мистер Грэй зашел ко мне и сообщил, к моему удивлению, что капитан Уэст отклонил мое предложение.

Через день я получил письмо от капитана Уэста. И почерк и язык были старомодны, тон — официальный. Он выражал сожаление, что мы с ним до сих пор не встречались, и спешил заверить меня, что он лично присмотрит за тем, чтобы мое помещение было удобно. Он уже сделал на этот счет некоторые распоряжения: написал мистеру Пайку,

своему старшему помощнику на «Эльсиноре», чтобы тот приказал снять переборку между отведенной мне офицерской каютой и такою же свободной каютой, смежной с ней. Затем — с этого-то и началась моя антипатия к капитану Уэсту — он добавлял, что, если, когда мы выйдем в море, я все-таки буду недоволен моим помещением, он охотно уступит мне свою каюту.

Понятно, после такого отпора я решил, что ничто не принудит меня воспользоваться бронзовой кроватью капитана Уэста. И это был тот самый капитан Уэст, которого я в глаза не видал и который теперь продержал меня на морозе целых четыре невыносимых часа. «Чем меньше буду я видеть его во время плавания, тем лучше», — думал я. И не без удовольствия я вспомнил об огромном числе ящичков с книгами, отправленных мной на «Эльсинору» из Нью-Йорка. Слава богу, я не зависел ни от каких капитанов: у меня было чем развлечься и без них.

Я передал Поссума Ваде, сидевшему рядом с шофером, и, пока матросы перетаскивали на пароходик мой багаж, лоцман повел меня знакомиться с мистером Уэстом. С первого же взгляда мне стало ясно, что он был таким же капитаном, как этот лоцман — лоцманом. Видал я лучших представителей этой породы — капитанов пассажирских пароходов, — этот походил на них не больше, чем на тех широколицых, горластых шкиперов, про которых мне случалось читать в книгах. Рядом с ним стояла женщина. Но ее почти не было видно: это был какой-то цветной ком из великолепной теплой шубы, огромной муфты и боа из красной лисицы, в котором она исчезала почти без остатка.

Я бросился к лоцману и в ужасе прошептал:

— Господи боже! Его жена! Едет с нами?

— Это его дочь, — объяснил мне шепотом лоцман. — Должно быть, проводить его пришла. Жена его умерла больше года назад. Оттого-то, говорят, он вернулся к морю, а то он, знаете, в отставку было вышел.

Капитан Уэст двинулся мне навстречу, и, прежде чем соприкоснулись наши протянутые руки, прежде чем лицо его вышло из состояния покоя и распустилось в любезную улыбку, прежде чем зашевелились его губы, чтобы заговорить, я почувствовал необычайную силу его личности. Высокий, сухощавый, с породистым лицом, он был холоден, как этот холодный день, самоуверен, как король или император, далек, как самая далекая звезда, бесстрастен, как теорема Эвклида. И вдруг, за один миг до того, как встретились наши руки, в его зрачках зажглась чуть заметная искорка сдерживаемой веселости, разгладившая мелкие морщинки вокруг глаз; светлая лазурь этих глаз потемнела, словно согретая приливом внутренней теплоты, и все лицо смягчилось: тонкие губы, за секунду перед тем крепко сжатые, разом приняли то милое выражение, какое бывает у Сары Бернар*, когда она начинает говорить.

Так сильно было первое мое впечатление от наружности капитана Уэста, что я почти ожидал от него каких-то несказанно мудрых и проникновен-

* Сара Бернар — великая французская актриса, особенно популярная в начале XX века. — *Здесь и далее примеч. ред.*

ных слов. Однако не услышал ничего, кроме самых ординарных извинений. Он высказал свое сожаление по поводу случившейся задержки, но сказал это таким голосом, который был для меня новым сюрпризом. Голос был низкий и мягкий, пожалуй, слишком низкий, но ясный, как звук колокольчика, и чуть-чуть носовой, отдаленно напоминавший говор старой Новой Англии.

— И в задержке виновата вот эта молодая особа, — закончил он, представляя меня своей дочери. — Маргарет, это мистер Патгерст.

Из лисьего меха быстро высвободилась ручка в перчатке, чтобы пожать мою руку, и я встретился взглядом с парой серых глаз, смотревших на меня пристально и серьезно. Меня смутил этот холодный, пытливый, пронизательный взгляд. Нельзя сказать, чтобы он был вызывающим, но он был оскорбительно деловым. Так смотрят на нового кучера, которого собираются нанять. Я не знал тогда, что она едет с нами и что поэтому ее желание узнать, каков человек, который в течение полугода будет ее попутчиком, было естественно. Впрочем, она тотчас же поняла неловкость своего поведения, и ее глаза и губы улыбнулись при первых же словах.

Когда мы взошли на пароход и направились к каюте, я услышал, что Поссум, слабо подвывавший перед тем, отчаянно визжит, и прошел вперед сказать Ваде, чтобы он прикрыл его потеплее. Ваду я застал хлопочущим около моего багажа: он старался с помощью моей маленькой автоматической винтовки втиснуть мой чемодан между чьими-то сундуками. Я был поражен наваленной на палубе горой вещей, перед которой мой багаж совершен-

но терялся. «Судовые запасы», — было первой моей мыслью, но, когда я разглядел, какое множество тут было всевозможных сундуков, чемоданов, баулов, картонок и свертков, я должен был отбросить эту мысль. На одной из укладок, подозрительно смахивавшей на картонку для дамских шляпок, мне бросились в глаза инициалы «М.У.». А между тем имя капитана Уэста было Натаниэль. При ближайшем исследовании я нашел на нескольких укладках инициалы «Н.У.», но на всех остальных стояло «М.У.». Тогда я вспомнил, что он назвал ее Маргарет.

Это так меня рассердило, что мне не захотелось входить в каюту, и я принялся шагать по палубе взад и вперед, кусая губы с досады. Ведь я, кажется, определенно договаривался с агентами, чтобы с нами в этом плавании не было никакой капитанской жены. Присутствие женщины в корабельных каютах было последней приманкой под солнцем, которая могла бы меня соблазнить. Но мне не приходило в голову, что у капитана может быть дочка. Я почти был готов отказаться от путешествия и возвратиться в Балтимору.

Пока я расхаживал по палубе и встречный ветер, вызванный ходом парохода, пронизывал меня насквозь, я увидел мисс Уэст. Она шла по узкой палубе мне навстречу, и меня невольно поразила ее упругая живая походка. В ее лице, несмотря на резкие его очертания, было что-то хрупкое, не гармонировавшее с ее крепкой фигурой. Впрочем, прийти к заключению, что у нее крепкое, здоровое тело, можно было только по ее манере ходить, так как контуры тела совершенно исчезали под бесформенной массой мехов.

Я круто повернул в обратную сторону и с мрачным видом погрузился в созерцание горы багажа. Один огромный ящик привлек мое внимание, и я рассматривал его, когда мисс Уэст заговорила у моего плеча.

— Вот из-за этой вещи и вышла задержка, — сказала она.

— А что в этом ящике? — спросил я, чтобы что-нибудь сказать.

— Пианино с «Эльсиноры». Как только я решила ехать, протелеграфировала мистеру Пайку — это, знаете, наш старший помощник, — чтобы он отдал его починить. Он сделал все, что мог. Задержка случилась по вине мастерской. Ну ничего: сегодня, пока мы ждали, они получили от меня такую нахлобучку, что не скоро забудут.

Она засмеялась при этом воспоминании и принялась рыться в багаже, видимо, отыскивая что-то. Удостоверившись, что нужная ей вещь на месте, она повернула было обратно, но вдруг остановилась и сказала:

— Отчего вы не пройдете в каюту? Там тепло. Нам идти еще по крайней мере полчаса.

— Когда вы решили отправиться в это плавание? — спросил я резко.

По быстрому взгляду, который она бросила на меня, я увидел, что она в этот момент поняла мою досаду.

— Два дня назад, — ответила она. — А что?

Ее готовность отвечать на вопросы обезоружила меня, но, прежде чем я успел заговорить, она продолжала:

— Напрасно вы волнуетесь из-за моей поездки, мистер Патгерст. Дальние плаванья мне, ве-